

полне допустимы книги за-
го все правовые
аксиомы, кото-
решено, то раз-
не замыкание,
ля этих (и неко-
рава. Судить об
бо полезна чи-
кет философам

жит ничего, что
логики. Одна-
тику «*Journal of*
еству.

доказательств
инновацион-
но такова те-
орнале, одном
апротив, цель
иво указывает
е каноны рас-
зреть при по-
тают и в роли
злята обосно-

я в рецензии
после выхо-
ка норм ушла

е, в п. 3, от-

й, предъявля-
ивость;
ок) норм;

яет требова-
ти. Вместе с
ты, для кото-
их систем для
ии указанные

М. В. Антонов*

Право в аспекте нормативных систем**

Представляемая российскому читателю книга¹ Карлоса Эдуардо Альчуррона и Евгения Викторовича Булыгина² принадлежит к числу основных достижений правовой науки второй половины XX в. Написанная на стыке двух научных дисциплин (логики и правоведения), данная работа касается таких ключевых для понимания права аспектов, как системность и нормативность; ее прочтение позволяет по-новому взглянуть на эти аспекты, равно как и на механизм правового регулирования в целом. Данная работа очерчивает перспективы нового подхода к изучению права,³ который опирался на новейшие достижения (к моменту выхода в свет работы в 1971 г.) прежде всего в области деонтической логики, теории множеств (*set theory, Mengenlehre*), а также на фундаментальные разработки в методологии точных наук. В настоящей вводной статье мы не будем

* Антонов Михаил Валерьевич — кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории права и государства Санкт-Петербургского филиала ГУ — ВШЭ (mantonov@hse.ru).

** Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований ГУ — ВШЭ в 2011 г.

¹ *Alchourrón C. E., Bulygin E. Normative Systems*. Wien; New York, 1971. — Из наиболее ценных критических исследований этой работы см.: *Krawietz W., Wright G. H. von et al. Normative Systems in Legal and Moral Theory*. Festschrift for Carlos E. Alchourrón and Eugenio Bulygin. Berlin, 1997; *Moreso J. J., Redondo M. C. et al. Un diálogo con la teoría del derecho de Eugenio Bulygin*. Madrid, 2007. — См. также статью Риккардо Гуастини «Выдающие аспекты «Нормативных систем»» (1997).

² Имя Е. В. Булыгина вошло в историю правовой философии в тесной связи с данной книгой, написанной в соавторстве с К. Э. Альчурроном (1931–1996), так что, как язвительно замечает Мануэль Атиенза, соавторы этой работы нередко воспринимаются как некий единый персонаж, «Бульчуррон» (Атиенза М. Евгений Булыгин и теория юридической аргументации // Правоведение. 2008. № 3. С. 180). Это в немалой степени верно, тем более что сам Булыгин строит свои последующие работы именно на основе высказанных в «Нормативных системах» идей. Поэтому в нижеследующем изложении правовых идей Е. В. Булыгина мы будем опираться прежде всего на эту работу и в определенной мере вести речь об идеях не только Булыгина, но и его соавтора Альчуррона (вместе ими было написано более двух десятков работ). Стоит при этом отметить, что в этом авторском коллективе всегда имело место известное разделение труда, поскольку Альчуррон занимался почти исключительно логическими исследованиями, а Булыгин, помимо разработок в сфере деонтической логики, большую часть своих работ посвятил именно правовой проблематике.

³ Нужно оговориться, что замысел авторов намного шире — анализ нормативных систем может применяться не только к праву, но и к иным регулятивным механизмам общества (этике, морали, религии).

говорить о значимости вклада «Нормативных систем» Булыгина и Альчуррона в развитие современной деонтической логики,⁴ а попытаемся объяснить, почему сформулированные в книге взгляды полезны не только (и даже не столько!) для логиков и философов, сколько для юристов — как для теоретиков, так и для практиков (законодателей, судей, правоприменителей). Тем более что сами авторы во введении подчеркивали, что их работа посвящена именно правовой проблематике, хотя ее выводы приложимы и к другим сферам социального регулирования.⁵

Казалось бы, попытка использовать в правоведе отдельные методы обработки и анализа научного материала из арсенала такой строго формальной науки, как логика, посягает на деление наук на формальные и общественные и на включение правоведа исключительно в рамки последних. Но внимательное прочтение книги заставляет пересмотреть это убеждение — границы деления наук на виды не являются незыблемыми, а использование других подходов дает возможность по-новому взглянуть на привычные предметы, идеи и представления. Разумеется, здесь встает важнейшая задача согласования инструментария, уже имеющегося в распоряжении правоведа, с вводимыми элементами и блоками из других научных дисциплин — именно решению этой задачи посвящена большая часть «Нормативных систем».

Булыгин и Альчуррон ставят целью не абстрактный анализ права в целом, а детальный логический анализ его отдельных логически независимых частей — нормативных множеств, в которых одна и та же норма может иметь различные следствия. Каждое из этих множеств (будь то правовые отрасли, институты, судебная практика по однородным делам и т. п.) представляет собой поле для конструирования нормативной системы и изучения логических правил, применяемых в такой системе. Условием действия нормы в одной из таких систем будет не абсолютное предписание должного поведения, как полагается в традиционной юриспруденции, а наличие блока специальных логических связей между элементами, который образует логическое множество (*set*). Каждое множество отличается от другого за счет тех следствий, которые влечет некая норма в заданных условиях, и поэтому действие нормы уже невозможно увязывать с волей законодателя. Норма здесь рассматривается не как формулировка воли, а как деонтическая конструкция, исчисляющая посылки и предписывающая модальность должного поведения при данном положении дел с учетом дополнительных констант, таких как санкции за нарушения, территориальные и временные пределы действия нормы и т. п.

В этом плане даже отдельное судебное решение, которое идет вразрез с доминирующей судебной практикой, будет образовывать логическое множество вкупе с другими подобными решениями, которые вынесены по тому или иному вопросу. Задачей теоретика при этом будет не избличение логических и иных ошибок законодателя и/или правоприменителя, а изучение правил

⁴ См. выше: Лисанюк Е. Н. «Нормативные системы» К. Э. Альчуррона и Е. В. Булыгина сегодня.

⁵ Симптоматично, что для перевода в 1975 г. на испанский язык своей работы авторы выбрали название «Введение в методологию юридических и социальных наук» (*Introducción a la Metodología de las Ciencias Jurídicas y Sociales*).

вывода и и
ваны в рам
логических
ки. Если в р
решения от
внутренней
«правовая с
«диссониру
ми) могут и
разрешая с
столь же з
например,
мин «судеб
в этой перс
речь идет н
логических
сравнению
ления след

Казалос
приемлени
творение
полнота, в
своим
лизм сист
ющие мно
логически
так и в от
«диссонир
гласящая с
(иными сл
может рас
иметь ник
формальн
шими в с
составляе
решений
образова

В каче
за, можн
неконсти
лировав
туционно
тивопост
в который
решения
ем (множ
логически

Альчуррона
знить, поче-
не столько!)
зв, так и для
то сами ав-
ю правовой
ального ре-

методы об-
формальной
цественные
. Но внима-
! — граници
! других под-
дметы, идеи
огласования
с вводимы-
ю решению

ва в общем,
исимых час-
т иметь раз-
грасли, инс-
вляет собой
ических пра-
цной из таких
к полагается
ических свя-
set). Каждое
влечет некая
ожно увязы-
формулиров-
предписыва-
дел с учетом
иориальные

идет вразрез
ическое мно-
ены по тому
ение логиче-
чение правил

Е. В. Булыгина

ей работы ав-
иальных наук»

вывода и иных логических правил принятия решения, которые были использо-
ваны в рамках данного множества случаев и которые, очевидно, отличаются от
логических механизмов принятия решений в рамках доминирующей практи-
ки. Если в рамках традиционной юриспруденции подобные «диссонирующие»
решения отвергаются как «противоречащие системе», не согласующиеся с ее
внутренней логикой и тем самым исключенные из самого понятия «право» или
«правовая система», то Булыгин и Альчуррон предлагают модель, в которой эти
«диссонирующие» решения (если они не отменены вышестоящими инстанция-
ми) могут иметь и обычно имеют свои нормативные следствия (запрещающая или
разрешающая соответствующие модели и акты поведения) и поэтому оказываются
столь же значимыми, как и «обычные», согласующиеся с практикой решения,
например, если стороны это «диссонирующее» решение не обжаловали. Тер-
мин «судебная ошибка», обычно применяемый к «диссонирующим» решениям,
в этой перспективе оказывается логически несостоятельным, поскольку здесь
речь идет не об ошибке при применении логических правил, а о наличии иных
логических основ, которые определяют иной алгоритм принятия решений по
сравнению с доминирующим алгоритмом, иной способ деонтического исчис-
ления следствий.

Казалось бы, это довольно неожиданный и в некоторой степени почти не-
приемлемый для обычного юридического мышления вывод, вносящий про-
тиворечие в систему права. Но авторы утверждают, что непротиворечивость,
полнота, внутренняя последовательность отнюдь не являются обязательными
свойствами системы права. Прежде всего, здесь нужно иметь в виду плюра-
лизм систем правового регулирования в обществе, а также то, что существу-
ющие многочисленные нормативные (правовые) системы могут обнаруживать
логические дефекты (противоречия, неполноту, избыточность) как внутри себя,
так и в отношениях с другими системами. В рассматриваемом выше примере
«диссонирующего» судебного решения нельзя исключить того, что стороны со-
гласятся с подобным решением и что оно сохранит свою юридическую силу
(иными словами, будет иметь нормативные следствия). Такое решение вполне
может расходиться с общепринятым толкованием нормы и, возможно, даже не
иметь никакой опоры в действующем законодательстве страны. Это решение
формально будет входить в то множество, которое образуется всеми вступив-
шими в силу судебными решениями, вынесенными судами страны, но будет
составлять отдельное, логически независимое по отношению к большинству
решений множество. А логическое множество, по мнению авторов, может быть
образовано даже одним решением.

В качестве другого примера, поясняющего значимость подобного анали-
за, можно взять постановление конституционного суда, которым признается
неконституционной (и, следовательно, юридически недействительной) прева-
лировавшая ранее судебная практика. Здесь подобное постановление консти-
туционного суда будет образовывать отдельное логическое множество, про-
тивопоставляемое логическому множеству предшествовавших решений судов,
в которых давалось иное толкование закона и, соответственно, иной вариант
решения казуса. При этом в одно логическое множество с таким постановлени-
ем (множество, объединенное общими посылками, правилами вывода и иными
логическими элементами) будут входить как вынесенные после его принятия

судебные решения, включая и постановления по пересмотру отдельных решений в связи с неконституционностью примененного при их разрешении закона, так и судебные решения, которые хоть и были вынесены до постановления конституционного суда, но подчинялись тому же самому смыслу, что позднее был выявлен конституционным судом, следовали той же самой логике, даже независимо от того, что формально они могли быть отменены вышестоящими инстанциями и формально (с точки зрения господствующей догмы права) утратить свою валидность.

Сущность разбираемой Булыгиным и Альчурроном проблемы, таким образом, касается вопроса системности. Российский юрист, читающий «Нормативные системы», без труда заметит, что понятие системы, употребляемое авторами, никак не входит в рамки того, что в отечественной юриспруденции принято подразумевать под «системой» (права или законодательства).⁶ Авторы исходят из того, что в том или ином обществе может быть сразу несколько конкурирующих между собой логически независимых множеств норм (или нормативных систем, что в этом контексте является практически синонимичными выражениями) — это следует из самого названия «Нормативных систем». Одним из видов нормативных систем являются системы правовые, основной признак которых — властная установленность, и здесь авторы следуют традиционному позитивистскому подходу к праву.⁷ И то, что мы привычно называем «системой права» (на национальном уровне), на самом деле состоит из многочисленных систем правовых норм, которые формально подчиняются некоему общему критерию (общая структура судов, один законодательный орган, принимающий эти нормы, одна правоприменительная структура в отдельно взятом политическом сообществе), но содержательно могут довольно значительно расходиться между собой в отдельных вопросах правового регулирования. Очевидно, когда мы располагаем такие подсистемы (множества) в рамках гипотетически сконструированной единой иерархии правовых актов (наподобие той, что конструировал Кельзен, подводя к общему знаменателю своей *Grundnorm* все правовые нормы), мы упускаем из виду не только их возможную логическую несогласованность, но и то, что в каждом из множеств могут действовать свои правила решения споров, образования норм и терминов; если использовать выражение авторов «Нормативных систем», то можно сказать, что каждый из таких логических блоков образует свой универсум (см. об этом ниже).

Именно в таком аспекте Булыгин и Альчуррон выходят на проблему «правил замыкания» (общеправовых или отраслевых принципов), которые, по мнению большинства теоретиков, позволяют давать нормативный ответ на все вопросы, возникающие в праве. Детальный анализ этих правил позволяет авторам сделать вывод о том, что такие принципы юридической силой не обладают;

⁶ См. критику этих терминов: Антонов М. В. О системе и отраслях законодательства // Право и экономика. 2011. № 3.

⁷ Хотя впоследствии Е. В. Булыгин конкретизирует свою позицию по отношению к определению права — нюансы его позиции отчетливо проявляются в дебатах с М. Атиензой и Р. Алекси. См. об этом: Антонов М. В. 1) Эксклюзивный позитивизм и аргументативная теория права: к полемике между Е. В. Булыгиным и М. Атиензой // Правоведение. 2010. № 1; 2) Спор Р. Алекси и Е. В. Булыгина о необходимости связи между правом и моралью // Российский ежегодник теории права. № 2. 2009.

они могут су
о том, что раз
ет, что в прав
противоречит
правовых акт
вых принципе
если бы сист
вой. Но Альчу
проблемной
к которому м
законодатели
нелегко дост
нее, его кон
работ и т. п.
ности юриста

Как следу
изучение нор
метить, что
непривычно
них нормы —
ющие при р
сания, заклк
(справедлив
тать и в есте
В этом план
ется данное
деленных ту
к данной со
путем предг

Достоин
торами. Об
рования сут
ются вывод
Булыгин и А
действитель
пробелы в
и индуктивн
ят модель»
вводя и уто

В качест
элементарн
нием. Эти д
ким-либо и
санкции, пр
вого регули
вых шагов
обозначаю

льных реше-
шении зако-
становления
что позднее
логики, даже
шестоящими
ны права) ут-

таким обра-
й «Норматив-
ное автора-
ции принято
торы исходя
ко конкуриру-
нормативных
ыми выразе-
ми». Одним из
ной признак
аддиционному
им «системой
огнчисленных
в общем кри-
принимавший
политиче-
исходиться
видно, когда
интерески скон-
строю конструи-
правовые
согласо-
правила
выражение
логических
«правил
по мнению
все вопро-
авторам
обладают;

ательства //
отношению
М. Атиен-
нормативная
ление. 2010.
моралью //

они могут существовать на концептуальном уровне — наподобие правила о том, что разрешено все то, что не запрещено. Но на деле ничто не гарантирует, что в праве не действует или не будет введена некая норма, которая будет противоречить такому принципу и тем самым (согласно стандартной иерархии правовых актов) лишит этот принцип юридической силы. Об этих общеправовых принципах, как убедительно доказывают авторы, можно было бы говорить, если бы система была полной (т. е. не имела бы пробелов) и непротиворечивой. Но Альчуррон и Булыгин убеждены, что тезис о возможности полной, беспробельной системы права представляет собой лишь рациональный идеал, к которому может и должна стремиться каждая система права (точнее, ученые, законодатели и правоприменители, формирующие эту систему), но которого нелегко достичь. Тем не менее наличие такого рационального идеала, — точнее, его конструирование в текстах законов, судебных актов, доктринальных работ и т. п. — дает возможность вывести критерии и основания ответственности юристов за корректность создания и применения норм права.

Как следует из самого названия книги, ее основным предметом является изучение нормативных систем, их архитектуры, структуры и свойств. Стоит отметить, что и к изучению норм аргентинские мыслители подходят в несколько непривычном для традиционного догматического правоведения аспекте. Для них нормы — это прежде всего языковые конструкции, по-разному действующие при разных обстоятельствах и посылках, а не императивные предписания, заключающие в себе раскрытие неких объективных идей и принципов (справедливости, должного, необходимости и т. п.), как это было принято считать и в естественно-правовой, и в традиционной нормативистской доктринах. В этом плане одним из важнейших достижений «Нормативных систем» является данное в ней определение нормы как деонтической квалификации определенных типов поведения для регулирования действий людей, относящихся к данной социальной группе, для обеспечения их мирного сосуществования путем предписывания способов разрешения конфликтов интересов.

Достоин внимания и сам оригинальный способ ведения исследования авторами. Обычно догматико-правовое исследование начинается с формулирования сути изучаемой проблемы, неких общих идей, из которых дедуцируются выводы (с использованием фактического материала или без такового). Булыгин и Альчуррон поступают несколько иначе — они вычленяют в правовой действительности проблемные аспекты (например, общеправовые принципы, пробелы в праве и т. п.), исследуют элементарную структуру этих аспектов и индуктивным путем воссоздают, или, следуя терминологии авторов, «строят модель» нормативной системы как предмета своего исследования, попутно вводя и уточняя терминологию для такого конструирования.

В качестве исходного звена изучения нормативных систем авторы берут элементарную структуру нормы — случай, который соотнесен с неким решением. Эти два элемента и образуют норму как таковую, безотносительно к каким-либо иным ее свойствам или характеристикам (как, например, наличие санкции, принуждения, связи с ценностями и тому подобные константы правового регулирования отдельно взятой страны). Соответственно, в качестве первых шагов анализа детально прорабатываются понятия «случай» и «решение», обозначаются их объем и границы через введение понятия «универсум».

Этим понятием обозначается область всех возможных деонтически значимых элементов логического множества. Так, множество способов решения того или иного случая по действующему праву будет образовывать универсум (например, возможные варианты применения на практике отдельного юридического правила), который указывает на условия и особенности применения нормы. Строго формальное содержание этой нормы может быть одинаковым для всей системы права страны, но логическое ее содержание может различаться в зависимости от того универсума дискурса, в котором данная норма находит свое применение; в приводимом авторами примере это право собственности, универсальное определение которого дается в общей части Гражданского кодекса Аргентины, но логическое содержание различается в зависимости от блоков тех ситуаций, в которых норма о собственности применяется (неосновательное обогащение, владельческая защита добросовестного приобретателя и т. п.). То же самое можно сказать и об универсуме действий, который дает перечень способов поведения в конкретном случае. Если же речь идет о множестве всех возможных (а не только закрепленных в праве) способов решения, то такой универсум будет называться максимальным. Всего авторы выделяют четыре универсума: случаев, действий, свойств и дискурса. Каждый из них обладает определенной «аксиоматической основой» (набором базовых высказываний), определенной независимостью и может конструироваться безотносительно к какому-либо материальному критерию (происхождение нормы, ее место в иерархии, наличие санкций и т. п.). Эта аксиоматическая основа позволяет конструировать логически независимые блоки правового регулирования — идея использования которой кажется особо плодотворным в отечественной юриспруденции, связанной традиционным делением отраслей и институтов права согласно туманным и расплывчатым критериям предмета и метода регулирования.⁸

Логический анализ посылок и следствий в каждом универсуме и связи универсумов между собой позволяет констатировать, является ли он полным, непротиворечивым, достаточным, каковы те логические ошибки и пробелы, которые можно заранее просчитать и скорректировать в целях последующего практического применения норм. Таким образом, акцент теоретико-правовых исследований перемещается с метауровня рассуждений о природе права, общих принципах его функционирования на мезо- или даже микроуровни, где разбираются конкретные правовые множества и универсумы. Авторы отдают предпочтение конкретным правовым множествам и универсумам. Авторы отдают предпочтение конкретным правовым множествам и универсумам. Авторы отдают предпочтение конкретным правовым множествам и универсумам. Авторы отдают предпочтение конкретным правовым множествам и универсумам.

⁸ Антонов М. В. Система права и система законодательства: проблемы разграничения // Правовые системы общества и государства: проблемы разграничения: Мат-лы Межд. науч.-практ. конф. 12.11.2010. СПб., 2011.

сиюминут
очень ред
случаев, с

Поэтом
жествами
а порой и
то происх
норм) не т
следствия
Боле тог
тавляет п
когда опа
сов приве
ведливос

Таким
тия (как б
неизменн
темности
вой рабо
виде в пр
гантный т
как не сл
вых) сист

Уход с
рам оста
конечног
инструме
гантный
тельской
системы
тва прин
множест
чески ор
кие перс
в систем
числени:
то инсти
тановле
Такой а
отдельн
и Булыг
этих цел
достато
Если
ко сист

сиюминутное урегулирование отношений, конфликтов, состояний, которое очень редко опирается на детальное логическое исчисление всех возможных случаев, следствий и вариантов применения норм.

Поэтому юристам по большей части приходится иметь дело с такими множествами норм, которые созданы наспех, с той или иной долей небрежности, а порой и случайно, благодаря простому стечению обстоятельств (как это часто происходит в обычном праве). Творцы таких систем (универсумов, множеств норм) не только не претендовали на возможность исчислить все их логические следствия и отношения, но и, как правило, даже не ставили себе такой задачи. Более того, часто встречаются ситуации, когда законодатель намеренно оставляет пробелы в праве, чтобы гарантировать справедливость в тех случаях, когда опасается, что единообразное решение логически тождественных казусов приведет к невниманию к индивидуальным деталям и тем самым к несправедливости.

Таким образом, системность права в традиционном понимании этого понятия (как беспробельность, непротиворечивость) не предполагается в качестве неизменного свойства правовой системы или множества норм — к такой системности правовая наука может прийти лишь в результате долгой и кропотливой работы над правовым материалом, но найти такую системность в готовом виде в правовой жизни невозможно. «Совершенно фантастический экстравагантный тезис»⁹ о полноте (беспробельности) и непротиворечивости права никак не следует из логической (и фактической) структуры нормативных (правовых) систем.

Уход от абстрактного анализа норм права на макроуровне позволил авторам остаться в рамках строгих логических исчислений — следствия любого конечного множества норм могут быть просчитаны и установлены с помощью инструментария деонтической логики и теории множеств. Этот изящный и элегантный вывод позволил «Нормативным системам» завоевать внимание читательской аудитории во многих странах мира. Дробный, дискретный анализ системы права отдельной страны освобождает науку права от иллюзии единства принципов регулирования, от рациональных идеалов целостности права, от множества других метафизических посылок, которыми застлан взор догматически ориентированного юриста. Здесь для правоведения открываются широкие перспективы: наряду с анализом той или иной нормы, института, отрасли в системе права страны, юрист получает возможность точного логического исчисления следствий нормы в рамках конкретного правового множества — будь то институт, отрасль или иное логически независимое единство норм — и установления точного соотношения норм и нормативных множеств между собой. Такой анализ позволяет точно определить границы правового регулирования отдельных сфер, его пробелы и недостатки. На страницах работы Альчуррона и Булыгина читатель найдет тщательно разработанный инструментарий для этих целей, причем формулы и логические приемы, использованные авторами, достаточно просты по сравнению со сложными правилами.

Если возвратиться к центральной для данного произведения проблематике системности права, то можно увидеть, что авторы «Нормативных систем»

⁹ *Bulygin E. El positivismo jurídico. P. 123.*

отказываются от традиционного понимания права как системы норм,¹⁰ имеющих одно логическое основание. Право есть лишь одна из нормативных систем общества. Само же понятие «нормативная система» определяется в работе как «система высказываний, имеющая нормативные следствия».¹¹ Нормативным множеством (или нормативной системой) может быть любой набор высказываний, из которого можно вывести нормативные следствия для группы случаев. При этом не имеет значения ни количество высказываний, ни даже выбор критерия — этот последний аспект, по мнению Булыгина и Альчуррона, зависит исключительно от интересов лица, конструирующего систему (законодателя, правоведа, правоприменителя и т. п.).¹² Например, выделение в гражданском праве набора норм, регламентирующих продажу отдельных видов товаров, оказывается столь же обоснованным, как и выделение гражданского, уголовного и иных отраслей права в составе правовой системы страны.

С этой точки зрения, может существовать неограниченное количество систем, которые могут быть неполными, внутренне противоречивыми или же вступать в логическое противоречие между собой. Как показано выше, любая норма, которая не подчиняется логике одной из существующих нормативных систем и которая ведет к независимым логическим следствиям, образует новую нормативную систему. Правовое множество может быть образовано любыми нормами, логически связанными между собой по своим свойствам и/или следствиям. В качестве примера авторы приводят институт защиты добросовестного приобретателя — немногочисленные нормы аргентинского гражданского права, которые конструируют соответствующую ситуацию (положение дел), обладающую своими оригинальными свойствами, и дают решение возникающим между собственниками и владельцами спорам. Авторы утверждают, что данное множество норм является логически независимым, хотя в нем можно обнаружить серьезные пробелы, а в общей системе гражданско-правового регулирования этот институт вступает в конфликты с другими множествами (универсумами, комплексами) норм — правила о защите интересов титульного владельца, о неприкосновенности собственности и т. п.

В данном аспекте появляется возможность по-иному взглянуть на вопрос о пробелах в праве и в законе. По общему принципу сторонники нормативного позитивизма (Кельзен, Раз и др.) сходятся в мысли, что право как целостная логически закрытая система не может содержать в себе пробелов. Однако в «Нормативных системах» допускается, что нормы позитивного права не всегда отвечают требованиям логической достаточности (адекватности). Под достаточностью понимается полнота (отсутствие логических пробелов), независимость (отсутствие двух и более норм, одинаково разрешающих один и тот же казус) и непротиворечивость (отсутствие деонтических противоречий между нормами).

Правовая норма может рассматриваться как логически достаточная, если она содержит завершённую конструкцию, описывающую (и одновременно предписывающую) деонтический статус / модальность того или иного поведенческого паттерна. Так, если правовая норма не содержит ответа на

вопрос о том (и только) да данный вопрос, например, в случае с ситуацией, «к нормативной системе выведено решение тому второму случаю из-за недостаточности существующих норм».

Пробелы не все жизни, некоторые с. вого регулятор применитель правом, но делов не следу конфликта», (коллизия правовая существующей оценки права: как осуществ. обходимых г. гической стр.

Интеграция (аналогия принципа справе вых и тем с: судьей норм создание но неких заранее сторонников: ничивать «пр ствуют о «де нятий, что в конкретный на то, что на соотносении с му, но при э

¹⁰ Alchourrón C. E., Bulygin E. Normative Systems. P. 45–48.

¹¹ Ibid. P. 55.

¹² Ibid. P. 59–60.

¹³ Ibid. P.

¹⁴ Bulygin

¹⁵ Alchou

юрм,¹⁰ имеющих в работе. Нормативный набор выданных групп, ни даже Альчуррона, закону (законодательные в гражданских видах гражданского, заны.

количество, или же выше, любая нормативных образует названо любуем и/или ты добросовестного граждан (положение решение возмущают, я в нем можно-правового множествами в титульного

ь на вопрос нормативного логическая логика в «Норматива» отвечают очностью по (отсутствие и непротиво-

точная, если одновременно или иного ит ответа на

вопрос о том, является ли допустимым (запрещенным, дозволенным, обязательным) данное юридически значимое поведение, либо если она отвечает на данный вопрос сразу в нескольких категориях модальности (действие оказывается, например, одновременно разрешенным и обязательным), то мы имеем дело с пробелом либо с противоречием в праве. Пробел обозначается как ситуация, «когда некое действие не было деонтически детерминировано нормативной системой... вследствие чего для конкретного случая не может быть выведено решение».¹³ В первом случае, когда в праве нет нормы, дающей решение тому или иному случаю, мы имеем дело с нормативным пробелом. Во втором случае, когда из-за несовершенства выбранной формулировки нормы, из-за недостатков юридической техники из данной нормы нельзя сделать однозначного суждения об ее следствиях, речь идет о пробеле в распознавании.

Пробельность — это неотъемлемая черта права, которая объясняется тем, что не все жизненные случаи можно охватить с помощью правовых норм. Поэтому некоторые случаи до определенного времени могут быть исключены из правового регулирования и обретают статус «аксиологического пробела», когда правоприменитель убеждается в том, что некий случай должен был быть урегулирован правом, но действующее право не дает решения такого случая. Этот вид пробелов не следует путать со случаем «несовместимых решений» или «нормативного конфликта», когда действующее право дает несколько решений одного казуса (коллизия права) — случай, который свидетельствует о противоречивости данной правовой системы. Аксиологический пробел поэтому не есть нечто объективно существующее в правовой (нормативной) системе — это результат субъективной оценки права со стороны лица, которое применяет или толкует право. Такая оценка осуществляется согласно представлениям субъекта о должном в праве, о необходимых границах правового регулирования — а эти критерии не задаются логической структурой нормативных систем и поэтому не являются объективными.

Интеграция не охваченных правом случаев в нормативную систему права (аналогия права или закона, разрешение дела по схожему прецеденту, по принципу справедливости и т. п.) означает квалификацию таких случаев как правовых и тем самым заполнение пробелов через создание новых норм. Решение судьей нормативного конфликта в пользу той или иной нормы также означает создание новой нормы (введение исключения), но это не является применением неких заранее заданных правовых принципов, как полагают Дворкин и ряд иных сторонников юснатуралистического подхода.¹⁴ В этом плане нужно также разграничивать «пробелы в распознавании» и «пробелы в знании». Первые свидетельствуют о «дефектности» (неясности, расплывчатости) используемых в норме понятий, что ведет к невозможности точно установить, какой нормой регулируется конкретный случай и регулируется ли он правом вообще. Последние указывают на то, что нам недоступна вся информация о ситуации, позволяющая правильно соотнести случай с категорией, выбрав соответствующую случаю правовую норму, но при этом речь не идет о логических дефектах самой нормы.¹⁵

¹³ Ibid. P. 134.

¹⁴ Bulygin E. El positivismo jurídico. P. 104–106.

¹⁵ Alchourrón C. E., Bulygin E. Normative Systems. P. 31–34, 110–116.

Изложенное выше можно сформулировать несколько иначе. Для Булыгина и Альчуррона правовая норма — это прежде всего деонтическое высказывание, т. е. логико-лингвистическая связка, которая дает решение тому или иному случаю. В такой-то ситуации при наступлении таких-то обстоятельств последуют такие-то следствия — если подобное деонтическое высказывание исходит от властного органа, облаченного компетенцией регламентировать поведения людей, то мы имеем дело с правовой нормой, под которой понимается логическое следствие из ситуации в том виде, в котором это следствие конструируется законодателем (правоприменителем, толкователем и т. п.).¹⁶ И отнюдь не обязательно, чтобы такое следствие сопровождалось санкцией — ее наличие авторы не предполагают необходимым для существования правовой нормы. Из этого следует, что для юридической действительности нормы безразлично, имеется ли в данном сообществе эффективная социальная власть, способная принудить субъекта к соблюдению права — право и принуждение четко отграничиваются друг от друга в «Нормативных системах». Для правоприменителя важно именно установление нормы и ее следствий, квалификация отдельного («индивидуального») случая с отнесением (субсумцией) его к тому или иному логическому универсуму, выведение логических следствий для данного случая из подлежащей применению («релевантной») нормы.

Другим важным моментом «Нормативных систем» является тщательное разграничение смежных, хотя и не тождественных понятий, равно как и разных видов логической модальности (например, сильное и слабое значение запрета или разрешения).¹⁷ Так, норма как предписание должного поведения не может быть истинной или ложной — это модальное высказывание. Вместе с тем право состоит не только из норм: в него входят также нормативные высказывания, которые дают юридически значимое описание норм; также существуют нормативные предложения, которые являются описаниями содержания, заложенного в норме (например, «в праве существует норма, которая предписывает вести себя так»). Разумеется, если в системе появляется некая основная норма, из которой следует, что данное тем или иным органом/лицом толкование является обязательным, то это нормативное предложение обретает юридическую значимость и статус нормативного высказывания.

Что же есть право для авторов? Можно поставить тот же самый вопрос иначе: что же может считаться правовым, юридически значимым в том или ином обществе? В гл. V «Нормативных систем» Булыгин и Альчуррон утверждают, что их исследование осуществляется на синтаксическом уровне и не имеет дела с абстрактным теоретизированием по поводу дефиниции права. Этими же соображениями продиктовано желание авторов рассуждать именно о нормативных системах как об определенных лингвистических данностях, не отделяя при этом право от морали, этики и других нормативных регуляторов. Но выдержать эту линию до конца авторы не решаются, поскольку в ходе рассуждений им приходится находить ответы на вопросы об установлении права, его выделении среди других явлений окружающей действительности. Ведь именно этим занимаются судьи, юристы, законодотворцы, и без этого дискуссия о нормативных системах утратила бы свой

¹⁶ Ibid. P. 174.

¹⁷ Булыгин Е. В. Нормы и нормативные предложения: различие между ними и опасность их смешения. С. 147–154; Bulygin E. El positivismo jurídico. P. 75–98.

жизненный не в духе нормативного отграничивающего правила описания норм, которые являются нормами, поскольку в основной норме путем «рекурса» нормам через отсюда критических признаков иной нормативной системы норм, отдельную не обязательно международную систему прав Булыгин, разд и дополняет и сах о внутренняя исследов если условлен ванием (за сческие дефиниции модальности

¹⁸ Заимствование некоторых коннотаций «придается в обращении эквивалентным тогда как строгости права не допустить) на ошибки

¹⁹ Alchourron

²⁰ При всем совпадают: если только права и применимость

²¹ Bulygin E

²² Разумеется имущественно тогда как интерес их образованы

²³ Такие случаи: Alchourron 1969. — На русском языке между Булыгиным и Поляковым А. В. «Позитивизма»?

Для Булыгина же высказыва-
ему или иному
ьств последу-
ание исходит
ть поведения
ается логиче-
е конструиру-
И отнюдь не
— ее наличие
овой нормы.
безразлично,
ть, способная
э четко отгра-
применителя
ия отдельного
и иному логи-
ого случая из

ательное раз-
и разных ви-
ение запрета
ния не может
те с тем пра-
зыказывания,
гуют норма-
заложенного
ывает вести
ая норма, из
ние является
ескую значи-

ос иначе: что
м обществе?
их исследо-
абстрактным
нениями про-
темах как об
ю от морали,
до конца ав-
находить от-
угих явлений
ды, юристы,
ила бы свой

ними и опас-

жизненный нерв. Булыгин и Альчуррон описывают процесс установления права в духе нормативистских дискуссий 1960-х гг., формулируя «правило признания»,¹⁸ отграничивающее правовые нормы от моральных, религиозных и иных норм. Это правило описывается как следующая логическая цепочка: 1) есть совокупность норм, которые обладают нормативной валидностью, 2) поскольку есть основные нормы, позволяющие правотворящему авторитету утверждать такие нормы, 3) поскольку все остальные нормы данного множества норм выведены из этой основной нормы и 4) поскольку валидность любой нормы может быть проверена путем «рекурсивной дефиниции» — возведения той или иной нормы к основным нормам через логическую иерархию промежуточных норм.¹⁹

Отсюда критериями нормативной валидности оказываются два дескриптивных признака правовой нормы: релевантность, или относимость к той или иной нормативной системе (в смысле логической выводимости из основных норм системы),²⁰ и применимость, понимаемая в свете существования основных норм, обязывающих судей и других компетентных чиновников применить отдельную норму к конкретному делу.²¹ При этом применимость нормы не обязательно означает ее относимость к данной системе (например, нормы международного права применяются в национальных судах, но к национальной системе права не относятся). В этом аспекте влияние Кельзена очевидно, но Булыгин, разделяя в данном аспекте идеи австрийского правоведа, развивает и дополняет их там, где Кельзен свои рассуждения останавливает — в вопросах о внутренней логике функционирования правовых систем путем применения исследования этой проблематики с помощью деонтической логики.²² Так, если условлено, что любая правовая норма является деонтическим высказыванием (за счет этого из понятия правовой нормы сразу исключаются юридические дефиниции, декларации и тому подобные заявления, не обладающие модальностью),²³ то ее анализ можно вести с позиций деонтической логики,

¹⁸ Заимствуя в данном аспекте терминологию Г. Л. А. Харта, Булыгин вносит в это понятие некоторые коррективы, которые касаются прежде всего исключения любой моральной коннотации «правила признания». — Мыслитель считает, что у Харта такая коннотация выражается в обращении к «внутренней точке зрения», совпадающей с критерием легитимности, эквивалентным критерию моральности права (*Bulygin E. El positivismo jurídico. P. 108–109*), тогда как строгий позитивизм такой «контрабанды» морального содержания в определении права не допускает (см. также статью Е. В. Булыгина «Основана ли философия права (ее часть) на ошибке?», опубликованную в предыдущем номере Ежегодника).

¹⁹ *Alchourrón C. E., Bulygin E. Normative Systems. P. 73–74.*

²⁰ При всем сходстве в вопросе об основной норме, позиции Булыгина и Кельзена не совпадают: если для второго в гипотетической основной норме заложен источник действительности права, то для Булыгина речь идет лишь о логическом критерии релевантности и применимости того или иного правила в рамках нормативной системы.

²¹ *Bulygin E. El positivismo jurídico. P. 101–103.*

²² Разумеется, и Кельзен изучал структуру устройства правовой системы, но преимущественно в статическом аспекте иерархического отношения норм между собой, тогда как интерес Булыгина сосредоточен более на динамике правовых систем — логике их образования, деления, взаимодействия.

²³ Такие суждения о праве авторы называют нормативными предложениями. См. об этом: *Alchourrón C. E. Logic of Norms and Logic of Normative Propositions // Logique et Analyse. 1969.* — На русском языке см.: Булыгин Е. В. Нормы и нормативные предложения: различие между ними и опасность их смешения // Правоведение. 2008. № 2; Антонов М. В., Поляков А. В. Грани современной теории права, или Есть ли будущее у «нормативного позитивизма»? // Там же. С. 176–179.

рассматривая как внутреннюю (связь между гипотетическими ситуациями и моделями поведения, которых необходимо в них придерживаться), так и внешнюю (группировка норм права в множества, в универсумы) структуру права. Как таковая, логическая структура права существует вне зависимости от процессов практического правоприменения, хотя изменения в правовой действительности могут приводить к введению новых норм и тем самым к изменению нормативной системы. Для изучения данной структуры права в руках у юриста оказывается эффективный научный инструментарий. При этом важно отметить, что такие содержательные моменты, как вопросы социальной значимости случая, его моральная коннотация, соображения справедливости и т. п., также могут быть учтены в качестве элементов той или иной логической формулы, ее переменных составляющих. Поэтому сухость или безжизненность в качестве эпитетов для логических формул оказываются лишь метафорами, не соответствующими реальному содержанию деонтического анализа нормы.²⁴

Сказанное отнюдь не претендует на исчерпывающий анализ приводимой ниже работы («Нормативные системы» за сорок лет после их опубликования стали классической для теоретического правоведения XX в. работой и для специалистов в этой области не нуждаются в представлении); целью было, скорее, дать некоторые ориентиры для «вчувствования» в проблематику книги, содержание которой, признаем, будет непростым для восприятия читателя, незнакомого с логической терминологией. Вместе с тем перед нами не отвлеченный трактат о логических основаниях права или о логических методах его исследования. Это работа, написанная с точки зрения проблем правоведения именно теоретиками права, а с учетом того, что один из авторов — Е. В. Булыгин в течение длительного времени занимался правоприменительной практикой как судья Апелляционного суда Аргентины, можно сказать: написанная с учетом не только теоретических, но и практических проблем правоприменения. При более детальном знакомстве с книгой становится понятным, почему она приобрела такую популярность именно среди правоведов: анализируя проблематику права с применением методов современной логики (что является одной из важнейших задач теории права), авторы избегали как перегруживания работы специальными терминами и знаками («логический терроризм», по меткому замечанию Е. В. Булыгина), так и ухода в абстракции, в далекие от актуальных для юристов проблемы (эта позиция авторов заметна в стремлении давать, по возможности, конкретные примеры из действующего права для пояснения своих тезисов, а сложные логические формулы выносить в Приложение). Хочется надеяться, что «Нормативные системы» займут заслуженное место в списке источников теоретико-правовых исследований в России, которая является исторической родиной соавтора этой замечательной книги — Евгения Викторовича Булыгина. Для облегчения восприятия русское издание «Нормативных систем» снабжено автобиографией Е. В. Булыгина, биографическим материалом о К. Э. Альчурроне, а также некоторыми иными дополнительными материалами.

²⁴ См. разд. 6 гл. V «Нормативных систем».

К. Э. Альч

Норматив

Вступитель

Мы не бу
торых наст
хотели бы о
работы Геор
подстрочны
дарности и
права, чьи
Росс и Г. Л.

Что каса
покойному
шем интелл
фии права
ных исслед
и коллегами
наших идей

Мы стол
в полной м
помощи, ег
когда и не б
благодарно

Мы весь
держку и м
фессору Г.
писи; благ
дружескую

Необход
и Карлоса
ли многие
ные в наст

* Альч

** Буль

университет

*** Alch

Перевод

Синюк.